

DOI 10.31250/2618-8619-2021-1(11)-43-59

УДК 398

**«Краткое изложение очень сложной и большой темы»:
лекция Кирилла Васильевича Чистова (д. Васильево, о. Кижы).
Записано старшим научным сотрудником музея-заповедника
«Кижы» Р. Б. Калашниковой 14 июня 1997 г.
(комментарий и подготовка к публикации
Е. А. Мельниковой)***

АННОТАЦИЯ. В фонограммархиве музея-заповедника «Кижы» есть документ под названием «Экспедиционная запись беседы с Чистовым К. В.» (д. Васильево, о. Кижы, 14 июня 1997 г.). Вероятно, это была лекция, спонтанно или почти спонтанно прочитанная Кириллом Васильевичем Чистовым для сотрудников музея «Кижы» в один из его приездов. Она была организована Региной Борисовной Калашниковой, в то время сотрудником экспозиционного отдела музея. Встреча проходила в деревне Васильево, в доме, где работали сотрудники музейных фондов. Лекция, прочитанная устно, а потом переведенная в письменную форму, сохраняет следы личных переживаний лектора и рассказчика. Примеры, которые К. В. Чистов подбирает из очень разных областей — от этнографии жилища до исследований финского языка — соединяются в конце лекции в одну в общем-то простую мысль, важную не только для этнографии и фольклористики, но и для исследователя как человека, живущего здесь и сейчас: «Нельзя считать, что наша культура великолепна, а все остальное — тьфу. И только наша хороша, и в этом наше достоинство. Наше достоинство заключается в том, что мы не жили в изоляции, контактировали с другими народами, воспринимали от них что-то, как и другие народы».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: биография, Кижы, К. В. Чистов, фольклор, причитания

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: «Краткое изложение очень сложной и большой темы»: лекция Кирилла Васильевича Чистова (д. Васильево, о. Кижы). Записано старшим научным сотрудником музея-заповедника «Кижы» Р. Б. Калашниковой 14 июня 1997 г. (комментарий и подготовка к публикации Е. А. Мельниковой). *Кунсткамера*. 2021. 1(11): 43–59. doi 10.31250/2618-8619-2021-1(11)-43-59

* Публикацию подготовила Екатерина Александровна Мельникова, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, e-mail: melek@eu.spb.ru.

**“A Summary of a Very Complex and Large Topic”:
Lecture by Kirill Vasilyevich Chistov (Vasilyevo Village,
Kizhi Island). Recorded by R. B. Kalashnikova,
Senior Researcher at the Kizhi Museum Reserve,
on June 14, 1997 (Commentary and Preparation
for Publication by Ekaterina Melnikova)**

ABSTRACT. In the phonogram archive of the Kizhi Museum Reserve one can find a document entitled: “Expeditionary record of a conversation with K. V. Chistov” (Vasilyevo, Kizhi Island, June 14, 1997). It appears to have been a spontaneous or almost spontaneous lecture given by Kirill Vasilyevich Chistov to the staff of the Kizhi Museum on one of his visits. It was organized by Regina Kalashnikova, then an employee of the display department of the museum. The meeting took place in the village of Vasilyevo, in the house where the employees of the museum storages worked. Delivered orally and then put into writing, the lecture retains traces of the personal experiences of the lecturer and narrator. The examples that Chistov selects from very different areas—from ethnography of dwellings to studies of the Finnish language—are combined in the end of the lecture into a one actually simple idea, which seems to be important not only for ethnography and folklore studies, but also for a researcher as a person: “You cannot think that our culture is great, and everything else is ugh. And only ours is good, and this is our dignity. Our dignity lies in the fact that we did not live in isolation, we contacted other peoples and borrowed something from them, as other peoples also did.”

KEYWORDS: biography, Kizhi, Kirill Chistov, folklore, lamentations

FOR CITATION: “A Summary of a Very Complex and Large Topic”: Lecture by Kirill Vasilyevich Chistov (Vasilyevo Village, Kizhi Island). Recorded by R. B. Kalashnikova, Senior Researcher at the Kizhi Museum Reserve, on June 14, 1997 (Commentary and Preparation for Publication by Ekaterina Melnikova). *Kunstkamera*. 2021. 1(11): 43–59. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2021-1(11)-43-59

* This publication has been prepared by Ekaterina Melnikova (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences), e-mail: melek@eu.spb.ru.

Когда в 2019 г. Елена Ивановна Якубовская прислала мне интервью с Борисом Николаевичем Путиловым (оно опубликовано в этом же номере журнала)¹, я загорелась желанием найти аналогичное интервью с Кириллом Васильевичем Чистовым. Дело было не только в простой симметрии и соблюдении паритета, но и в том, что личные тексты ученых поколения Путилова и Чистова все еще большая редкость. Конечно, сейчас уже опубликован ряд воспоминаний, автобиографий, интервью², но большинство из них написаны в классическом мемуарном жанре, определяющем ретроспективный взгляд на прошлое: это рассказ о том пути, который прошел человек, чтобы стать именно тем, кем мы его знаем — известным ученым, автором. Более ситуативные, субъективные, эмоциональные тексты от первого лица, не рассказывающие о судьбе великого человека, а фиксирующие его чувства и переживания, мысли и сомнения в определенный момент времени, все еще очень сложно встретить.

Интервью с Б. Н. Путиловым тоже не совсем такой текст. Но все-таки оно было записано в 1994 г., в тот момент и в таком контексте, который не требовал от рассказчика «соблюдать политес» и уже допускал вполне открытое высказывание своего мнения. Вместе с тем сами вопросы швейцарской журналистки иногда уводят разговор от теоретических проблем фольклористики в сторону обычной человеческой жизни — общения с коллегами, поездок, личных пристрастий. Мне хотелось найти близкий по стилистике текст Кирилла Васильевича. Текст, одновременно устный, живой, эмоциональный и коммуникативный, обращенный к другому человеку, ориентированный не на воображаемую аудиторию коллег и потомков, а на совершенно конкретного собеседника. И вместе с тем текст, который позволил бы увидеть в Кирилле Васильевиче не только ученого, определившего многое и многих в советской, а потом и постсоветской фольклористике и этнографии, но и человека, в котором много субъективно, остро и лично переживаемого. К сожалению, решить эту задачу мне не удалось. Отчасти потому, что воспоминания и интервью Кирилла Васильевича уже были тщательно собраны и опубликованы раньше. Большинство сохранившихся записей вошли в книгу «Забывать и стыдиться нечего», подготовленную Т. Г. Ивановой (Чистов 2006). Развернутое интервью или даже беседа К. В. Чистова с Валерием Александровичем Тишковым было опубликовано сначала в «Этнографическом обозрении» (Тишков 1998), а потом в книге «Наука и жизнь. Разговоры с этнографами» (Тишков 2008а). Отчасти и потому, что жанр «разговора о жизни», повседневной, сложной, наполненной вопросами и сомнениями, нехарактерен для мемориальной традиции советских ученых, в основном избирающих другой способ говорить о себе и своем времени.

И все-таки в результате долгих поисков я узнала о том, что в фонограммархиве музея-заповедника «Кижь», где К. В. Чистов бывал постоянным гостем, есть документ под названием «Экспедиционная запись беседы с Чистовым К. В.» (д. Васильево, о. Кижь, 14 июня 1997 г.)³. Название интриговало. Заполучив благодаря сотрудникам архива оцифрованную запись и машинописную расшифровку, я поняла, что это совсем не «экспедиционная запись» в том смысле, в каком мы обычно думаем о таких материалах. Скорее, это была лекция, вероятно, спонтанно или почти спонтанно прочитанная Кириллом Васильевичем для сотрудников музея «Кижь» в один из его приездов⁴. По воспоминаниям Натальи Михайловны Мельниковой, принимавшей участие

¹ «Воздух свободы»: беседа Бориса Николаевича Путилова с Бенедиктой Арегер 9 декабря 1994 г. // Кунсткамера. 2021. № 1. С. 28–42.

² К настоящему времени опубликованы воспоминания Л. С. Клейна (2010), Д. Д. Тумаркина (2018), В. В. Пименова (2015), И. В. Власовой (2014), воспоминания этнографов о полевой работе (Этнография полевой жизни 2015). Вышла серия интервью с этнографами 1990-х годов, проведенных В. А. Тишковым (Тишков 1993; 1994; 1995; 1996; 1997; 1998; 2008б) и вошедших затем в книгу «Наука и жизнь. Разговоры с этнографами» (Тишков 2008а), интервью Галины Александровны Комаровой в рамках проекта «Женский портрет в научном интерьере» (Комарова 2007а; 2007б; 2011а; 2011б; 2012; 2013) и серия интервью на канале «Anthrotube» (Опять 25: 2016–2019).

³ Экспедиционная запись беседы с Чистовым К. В., Чистовой Б. Е. 1997 г. Ф. 1. Оп. 4. Д. 87. Научный архив музея-заповедника «Кижь».

⁴ «Рябининские чтения», которые регулярно проходили в Кижях начиная с 1991 г. и постоянным участником которых был К. В. Чистов, в 1997 г. не проводились (Мельников, Мельникова 2019: 116). Скорее всего, визит К. В. Чистова в этом году был связан с празднованием в Кижях 170-летнего юбилея карельской сказительницы Ирины Андреевны Федосовой.

в этой встрече, лекция К. В. Чистова была организована Региной Борисовной Калашниковой, в то время сотрудником экспозиционного отдела музея, впоследствии возглавившей образованный в 2001 г. отдел фольклористики. Встреча проходила в деревне Васильево, в доме, где работали сотрудники музейных фондов.

Лекция, прочитанная устно, а потом переведенная в письменную форму, представляет собой странный симбиоз. Однажды К. В. Чистов сам упомянул об этом: «Знаете, иногда говорят: “Как он хорошо говорит, как пишет”. Но если вы будете слушать профессора, который говорит, как пишет, то вам будет скучно слушать лекцию, потому что в устной речи есть свои законы, свое членение речи, свои повторы, свой синтаксис» (Тишков 2008а: 91). Именно поэтому люди обычно не любят читать расшифровку своих слов. Все, что облегчает восприятие мысли на слух, усложняет чтение и кажется недостатком, несовершенством речи. Кроме того, лекция, в отличие от опубликованной научной статьи, лишена принятого аппарата аргументации и верификации: здесь нет ссылок на литературу, проверенных примеров, уточненных деталей. Устное слово, легкое и мимолетное, предназначенное только для того конкретного момента и той конкретной аудитории, где и когда оно было сказано, при переводе в письменную форму становится тяжелым и монументальным, зафиксированным раз и навсегда, припиленным намертво к бумаге. Оно становится предметом для критики, сомнений, споров и обсуждений спустя многие годы, когда уже нет того, кто мог бы его дополнить, прояснить и обосновать. Я не знаю, согласился ли бы Кирилл Васильевич на то, чтобы его лекция, прочитанная в конце 1990-х годов в маленькой деревне Васильево, сохранившейся на краю о. Кижы, была опубликована сегодня. Но из моего нынешнего окошка я вижу этот текст как один из интересных источников об истории советской этнографии и советских этнографов, позволяющий чуть лучше понять те болевые точки, которые определяли научные интересы исследователей несколько десятилетий назад.

Несмотря на то что публикуемый ниже текст — научная лекция, он сохраняет следы личных переживаний лектора и рассказчика и хорошо показывает, как и почему научные проблемы, зачастую оторванные от обычной жизни и даже экзотические для простого обывателя, в основном, надо признавать, мало интересующегося вопросом о том, является ли Иван Годинович из русской былины сыном Коенена из финской руны, связаны с чувствами исследователя, его пониманием собственного места в этом мире. Примеры, которые К. В. Чистов подбирает из очень разных областей — от этнографии жилища до исследований финского языка — соединяются в конце лекции в одну в общем-то простую мысль, важную не только для этнографии и фольклористики, но и для исследователя как человека, живущего здесь и сейчас: «Нельзя считать, что наша культура великолепна, а все остальное — тьфу. И только наша хороша, и в этом наше достоинство. Наше достоинство заключается в том, что мы не жили в изоляции, контактировали с другими народами, воспринимали от них что-то, как и другие народы». Эта мысль кажется мне сегодня не менее актуальной, чем в 1997 г.

Текст лекции отредактирован, для того чтобы облегчить чтение. Удалены повторы, исправлены грамматические несогласования. Тем не менее я не пыталась придать ей полностью литературную форму, чтобы сохранить ее устное звучание и эмоциональность. Да и возможно ли написать за К. В. Чистова новую научную статью? Текст сопровождают постраничные комментарии, позволяющие восстановить ее научный контекст. В некоторых случаях ссылки на литературу не вызывали у меня сомнений. В других, наоборот, я могла только догадываться о том, какие именно публикации имел в виду К. В. Чистов, упоминая то или иное историографическое поле.

Лекция была записана на магнитофонную кассету, оцифрованную и любезно предоставленную сотрудниками фонограммархива музея «Кижы». Я хочу поблагодарить всех, кто помогал мне в работе с этой записью, особенно Татьяну Григорьевну Иванову, обратившую мое внимание на эти материалы, и Ольгу Николаевну Сергееву — главного архивариуса Научного архива музея-заповедника «Кижы», без помощи которой публикация не могла бы состояться.

Ни на записи, ни в архивных документах нет названия лекции, хотя по прочтении довольно скоро становится ясно, что ее тема связана с вопросом о существующих пересечениях между карельскими и русскими элементами культуры. Сама же запись начинается с того, что сотрудники архива назвали при расшифровке «неразборчивые голоса». Я решила оставить это начало. Мне кажется, что среди этих неразборчивых голосов есть и наши.

Е. А. Мельникова

д. Васильево, о. Кижы
14 июня 1997 г.

(неразборчивые голоса).

[Чистов Кирилл Васильевич]: Статья «Вепсский и карельский элементы в архитектуре Кижей»⁵ в общем перешла на проблему регионального Прионежья, прионежской общности. И выделить здесь специально вепсские, специально карельские [элементы]⁶ еще труднее, чем региональные, не правда ли? И это не случайно, потому что даже языковеды, которые знают о различии романских, германских, славянских языков, говорят о союзе языков, например на Балканах. Они воздействуют друг на друга, хотя [это] разные системы. Я должен быть краток. В целом, конечно, такой вопрос должен быть изучен, если культура карельская и русская была бы рассмотрена традиционно и фронтально. И очень детально. Вероятно, надо было бы книгу такую написать. Я в этом не преуспел, я только написал статью⁷ и, кроме того, читал специальные курсы на эту тему в Университете Тампере и в Ленинградском университете. Ну вот поэтому я перехожу прямо к этим вопросам, к таким, которые мне кажутся важными. Успехи этнографии и фольклористики в Карелии в изучении и карел, и русских значительны в последнее десятилетие, бесспорно. Я могу назвать двухтомник по Сегозеру под руководством Никольской⁸. И могу назвать две книги Логинова по Заонежью⁹, ну и целые десятки статей, которые дают сопоставление того и другого. Но я должен быть краток, хотя краткость противоречит той методике, которая должна лежать в основе такого фронтального сопоставления, которое я попытаюсь сделать на ряде примеров. Было принято иногда говорить, что высокоразвитый народ влиял на менее развитый народ — [это] один из возможных способов решения. Другой: когда приходили мигранты куда-то, в какую-то местность, они подвергались такому воздействию местной культуры, что оно было гораздо сильнее всего остального. Вот прекрасная статья в четвертом выпуске «Кижского вестника» о топонимике и связи топонимики с сельскохозяйственной культурой предшественников русского населения¹⁰.

Но вместе с тем надо сказать, что те русские, которые сюда приходили, приходили как земледельческий народ. Иногда говорили, что карелы заимствовали от русских то-то и то-то в земледелии. Да, заимствовали. Но надо разобраться, как. И надо не забывать о том, что у карел на Карельском перешейке, когда они там развивались, было очень бурное развитие своего земледелия. Переход от мотыжного к пашенному земледелию. Это очень важные моменты. Так как вы все здесь работаете, я позволю себе не напоминать историю карел и историю русских. Вы знаете, что карелам пришлось передвинуться под напором шведской экспансии сюда, на территорию Карелии, а русские бежали сюда от феодализации, феодальных повинностей. Понимаете, я никогда

⁵ Вероятно, речь идет о статье: (Гущина, Гушин 1994).

⁶ Здесь и далее в квадратные скобки помещены вставки, сделанные редактором текста для упрощения чтения.

⁷ Скорее всего, имеется в виду статья «Проблемы этнографического и фольклорного изучения Северо-Запада СССР» (Чистов 1977).

⁸ (Духовная культура 1980); (Материальная культура 1981). Об участии Розы Федоровны Никольской в изучении сегозерских карел и ее роли в подготовке коллективных монографий см.: (Винокурова, Логинов 2010: 135–136).

⁹ (Логинов 1993а; 1993б).

¹⁰ (Агапитов 1994).

не верил (и думаю, что мало кто из вас верил) в то, что это были просто энтузиасты-землепроходцы, которым не сиделось на месте, они пёрли куда-то, понимаете. Конечно, не так. Разве можно запросто земледельцу уйти от распаханых пашен, от дедовских могил. Жизнь вынуждала уходить. Почему же ушли из такого земледельческого плодovitого юга, ушли на наши камни? Значит, жизнь была такая, что их двигало сюда каким-то образом. Но надо иметь в виду, что эти передвижения рождали энергию приспособления. Если говорить о русских, то сюда (наверно, и у карел тоже так) уходили не худшие люди, а люди энергичные, способные к приспособлению, адаптации на новых местах, понимаете? Поэтому, когда мы говорим о талантливости севернорусской культуры, например, это не случайно, потому что очевидно, бездарные люди оставались сидеть у себя на месте. Наверно, так и с карелами было, потому что часть карел оставалась на Карельском перешейке. Они финизировались и остались там, а наиболее энергичные элементы передвинулись на новые места и переживали этот процесс адаптации. Им надо было привыкнуть пахать пашню на камнях, привыкнуть ожидать инея, после того как уже взошли зелена. Это все нелегко. Между прочим, некоторые вопросы подобного рода ставились в книге, которую покойная Галина Семёновна Маслова, я и отчасти Татьяна Александровна Бернштам написали в качестве учебника для финских университетов по севернорусской этнографии¹¹. Потому что там после такого... ну разнузданного панфинизма, который был перед войной, они вдруг как бы опомнились, не опомнились, а так сказать, отрезвели немножко и поняли, что целый ряд финно-угорских народов связан с севернорусской культурой: и карелы, и коми, и удмурты, и мордва. Севернорусский район заходит на Волгу и надо знать об этом. Поэтому они заказывали такую книгу. Ну я попробую [рассказать].

Иногда кажется (так можно было прочитать), что пришли сюда русские земледельцы и стали учить карел земледелию. Но, между прочим, карелы на Карельском перешейке имели очень развитое земледелие, не менее развитое, чем у русских. И вместе с тем у них были огромные возможности для охотничьих рейдов, рыболовства, пересечения торговых путей. Но русские тоже двигались. Возьмите нашу линию Вытегра — Муромский монастырь — Клименецкий монастырь — Палеостровский и до Белого моря. Здесь тоже были новгородцы. И если говорить о новгородцах, они проникали на север прежде всего за пушниной, за солью, за рыбой. И важно, что стартовое состояние было разное у русских и у карел в местах выхода. А дальше условия природные и социальные были очень сходные, потому что карелы тоже не были крепостными крестьянами, и русские здесь не были крепостными крестьянами. И стал возникать однотипный, однообразный тип хозяйства, сходный тип хозяйства.

Дело не просто в научных определениях. По опыту я знаю, например, что, когда приедешь в карельскую деревню, если заставишь себя забыть, что ты приехал в карельскую деревню, то пока ходишь по деревням, заходишь в избу, пока не услышишь карельскую речь, ты можешь не понять, что ты в карельской деревне. Надо знать о тонких различиях. Например, что карелы ставят стол не в красном углу, а у среднего окна. Но между прочим, здесь тоже бывает так, это тоже объяснимо. Дело не просто в том, что карелам так хотелось, а русским не хотелось. Давайте вспомним черные избы и единственное косящее окошко, через которое шел свет, так почему же стол не поставить у него? Это тоже постепенное развитие. Или, например, тип жилища сходный с севернорусским. Но у карел есть и западнорусские жилища, когда устье печи повернуто к боковой стене. Но, между прочим, это тоже процесс адаптации. Южнокарельские избы все — устье только к выходу, потому что там жарко, надо жар скорей удалить из избы. А здесь надо было скорее сохранять. Я представляю себе такое развитие по мере движения на север: поворот печи от двери к фронтальной [стене]¹². И, видимо, у русских тоже кое-где так называемый западнорусский план, [устье печи повернуто] к боковой [стене]. Он же и в Петербургской губернии есть. Хотя там

¹¹ (Čistov 1976).

¹² То есть к противоположной от входа стене — «передней».

господствует севернорусский план. Так что однотипность условий, некоторых процессов мы иногда воспринимаем как этнические отличия, а иногда эти отличия завершившегося или продвинувшегося или менее продвинувшегося процесса.

Например, еще одно тонкое различие — русская духовая печь, да? Она охватывает большой район, не только здешний, а дальше — вплоть до поляков и словаков. Но говорят, что карельская печь, особенно в Северной Карелии, отличается от русской духовой печи наличием пѳиси — жаровничка. Но жаровничек мы находим в целом ряде печей и здесь в Заонежье, и в Вологодской [области] тоже. Почему же? Здесь тоже некоторая незавершенность процесса, потому что в тех районах Европы, где не было духовой печи, был открытый огонь, открытый очаг. И потом сохранились пережитки этого открытого очага, где можно было подогреть что-то, что-то зажечь. Не буду углубляться в эти вещи. Я просто говорю это в смысле предостережения. И вообще надо сказать, что этнические отличия — очень капризная вещь. И я хочу процитировать, хотя из совсем другой области, как Ахматова писала: «Когда б вы знали из какого сора растут стихи, не ведая стыда...» Вот так же этнические отличия растут иногда из какого-то сора, «не ведая стыда».

Когда-то ругали немецких этнографов за то, что они хотели картографировать то, что люди видят на Луне. Говорили: ну какая разница, какое это имеет значение. Вот, изучайте тип пахотного орудия, еще что-нибудь, это важно для хозяйства. А между прочим, отличие того, что видят на Луне, показали локальные различия культур, понимаете? Так что не всегда этнические отличия имеют принципиальное значение и они самые важные.

Возьмем пахотные орудия, например карельские и русские. Да вы не сможете различить: борона-суховатка, суковатка, такой же безотвальный или более поздний с отвалом плуг, с железным лемехом деревянная соха. Почему она сохранилась, кстати говоря? Только потому, что люди были здесь глупее, чем в других местах? Нет. Камни. Просто металлическим плугом по камням ездить было невозможно. Почему у нас тут сохранился такой странный способ почти серпом вместо косы жать. Да тоже поэтому. Потому что размахнись литовкой — косой со стойкой, и ничего не выйдет. Поэтому такая архаика сохранялась иногда в связи с определенными обстоятельствами, условиями, которые здесь были, и с ними ничего не поделаешь.

Изучение топонимики, бесспорно, интересно. Но еще интереснее, я думаю, то, что сейчас, когда будет закончен шеститомный словарь русских народных говоров и сопредельных областей, можно будет заново поставить вопрос о взаимоотношениях терминологии в языках, здешних русских говорах и в говорах карельских и вепсских. Таких работ довольно много, я не буду сейчас называть, и в Финляндии они делались, и у нас они делались. Но факт остается фактом. Например, подсечное земледелие, конечно, существовало и у карел, и у русских. Тоже определенные условия. Почему старых пашен не хватало, да потому что невозможно было напахать до нового урожая. Почему пал существовал, подсечное земледелие? Потому что были лесные участки, которые можно было не заявлять даже, а просто распахал, как в Сибири. «Заимки» такое название — занял и распахиваешь.

Ну вот, например, карельское название ржи явно индоевропейского происхождения. Это руис, ругиш¹³. А что такое ложка? Это очень сложный инструмент? Это инструмент менее сложный, чем плуг или соха. Но по-фински — лусикка (lusikka). Окно — иккуна (ikkuna). Так что, заимствований много. Толокно — талкуна¹⁴, полотно — палтина¹⁵. Давние взаимоотношения такие. Но дело не в этом. Потому что если мы будем просто играть этими сопоставлениями, мы ничего не получим. Но вот, скажем, для пала есть русское слово «пал», а есть хуртта — свое карельское слово. Значит, пал был у карел и до контактов с русскими. Действительно, когда мы сопоставляем

¹³ ruis (карел.: ливвиковское нареч.), ruziž; ruiž; ruziž (карел.: людиковское нареч.), ruis; ruiš; ruiš' (карел.: собственно карел. нареч.).

¹⁴ talkun (карел.: ливвиковское нареч.); talkkuna, talkun, talkkun (карел.: людиковское нареч.); talkkuna; talkuna (карел.: собственно карельское нареч.).

¹⁵ paltin (карел.: ливвиковское нареч.); paltina (карел.: людиковское нареч.); palttina; paltin; viate; omakudone; holst; kangaš; vuate; voate (карел.: собственно карел. нареч.).

сельскохозяйственные орудия, нам почти не различить карельские и русские. Выставлен в музее, и трудно сказать [где чей]. По каким-то мелочам.

А вот обряды, связанные, например, с посевом, различаются довольно сильно. Предположим, известно, что Олонецкую губернию называли репным царством, до того как картошка сюда пришла. Карелы тоже пользовались всюю репой. Но как карелы сажали репу? Очень своеобразный способ сеяния репы. Это наиболее архаичный овощ в регионе. Еще в XIX в. фиксировался такой способ: в плошку насыпались семена, затем очищенной от коры ольховой палочкой, смоченной водой, набирали семена, потом слизывали их с этой палочки и выплевывали в лунку. Русские так не делали. Были свои способы. Но сажали ту же репу, сажали и примерно так же выращивали. Иногда в обрядах мы находим больше различий. Возьмите Приволжье, там русская усовершенствованная соха-полуплуг называется «сабан», татарским термином. А сопоставьте свадебный обряд у татар и у русских. Совершенно не похожи друг на друга.

Одним словом, состав представлений, обрядов и терминологии дает нам более сложную картину славяно-финского симбиоза, чем в каждом конкретном случае, настолько, что в каждом конкретном случае обычно трудно установить, почему карельское слово попало в русский диалект, а другое не попало, и наоборот, почему русское слово попало или не попало в карельский диалект. Это не так легко. Не каждый раз можно логически это объяснить.

Или возьмите, например, планировку деревни. Шенников утверждает, что никаких различий нельзя уловить между планировкой русской, карельской и коми деревни¹⁶. А Орфинский путем статистических подсчетов показал, что все-таки можно уловить иное осмысление пространства¹⁷. Это очень интересно. В Северной Карелии постройки, как правило хозяйственные, могут стоять отдельно, как будто речь идет о средней или южной Руси, хотя здесь выработался тип дома-двора — и у карел, и у коми такой же. Я ездил по Коми, там есть различие, но в общем такой же тип дома-двора. А в районах, пограничных с Финляндией, какое-то влияние осталось. Почему-то стоят. Ведь это очень неудобно. В Финляндии же холодно, такой же снег, неудобно ухаживать за скотом. Там же мог приобрести медведь или волк, а нет взвоза, нет врубки, нет высокого подклета. Под Хельсинки есть Сеурсаари¹⁸. Бродишь, бродишь там, видишь все время финские постройки разные. И вдругходишь в какой-то... Думаешь, что сюда перелетел [в Кижы], прямо на вертолете сюда. Оказывается, что это такое? Это Западная Карелия, где православные карелы жили. Прямо как будто отсюда постройки перенесены туда. Еще Лённрот в своих дневниках писал, что удивляет это различие. И нам странно читать. У нас сейчас такое представление, что финны очень чистый народ, чистюли и т. д. Он же пишет: почему же наши финские крестьяне живут гораздо грязнее, чем карелы или русские. Его удивляло, что тут избы мыли темным песком с вениками.

Баня. Баня по-черному. Сейчас приедешь в Ленинград, в Москву — сауна. А почему сауна? Потому что русской бани такой не было? Переход на сухой пар. Но в городах это было тоже так — переход на сухой пар с мокрого пара. А старая финская баня абсолютно однотипна со здешней баней, такая же. Есть специальная монография Игоря Вахроса, которая называется «Grossrussischen Sauna» — «Великорусская баня»¹⁹. Он ставит вопрос: так кто же, финны заимствовали от русских эту баню или русские заимствовали от финнов. И получается, что, видимо ни те, ни другие. Это параллельное создание. При этом вспоминают Андрея Первозванного, который бродил по Руси и его удивляло, что новгородцы почему-то, когда мыться нужно было в бане, хлестали себя чем-то, истязали²⁰. Он воспринимал это как потом воспринимали всякие дела хлыстов.

¹⁶ (Шенников 1992).

¹⁷ (Орфинский, Гришина 1993; 2001; Гришина 1999).

¹⁸ Seurasaari — остров на западе центральной части Хельсинки, где работает музей под открытым небом.

¹⁹ (Vahros 1966).

²⁰ К. В. Чистов упоминает фрагмент из «Повести временных лет» о путешествии Андрея Первозванного: «И пришел к славянам, где нынче стоит Новгород, и увидел живущих там людей — каков их обычай и как моются и хлещутся, и подивился на них. И пошел к варягам, и пришел в Рим, и поведал о том, скольких научил и кого видел, и рассказал им: “Диво видел я в Славянской земле, когда шел сюда. Видел бани деревянные, и напоят их сильно, и разденутся и будут наги, и обольются мытелью, и возь-

Женская одежда. Пища и женская одежда осмысляются как очень яркие этнические отличия у многих народов. Между прочим, мужская карельская одежда и женская в XVIII в. уже была примерно такая же, как русская. Отличалась только шейным платком, свитера носили, двойные свитера. Цветные расцвеченные носки и варежки. Вот это было. Остальное все [так же], рубаха шилась так же, абсолютно то же самое. Когда мы пытаемся взглянуть в то, что происходило с женской рубахой, то оказывается, что в тех местах, где возобладали рубаха с поляками²¹, в качестве покойницкой одежды осталась туникообразная рубаха. Так что это тоже вопрос исторического развития и параллельного, кстати. Между прочим, финны, карелы, очень восприняли русский сарафан. Причем, что значит русский? Что это за слово «сарафан»? Это, между прочим, тюркское слово, которое первоначально обозначало русскую одежду, а потом стало [обозначать] женскую одежду. Между прочим, моя жена — германистка — не даст соврать: что по-немецки называют «рок» (*rock*)? Это может быть и пиджак, и юбка женская — «рок». И мы постоянно находим, что терминология мужской и женской одежды может переплетаться, она не всегда дифференцирована. Вот стали называть сарафан. Иногда мы встречаем в карельских диалектах вместо слова «сарафан» какое-то производное: косоклин, кумачевник и т. д. Дополнительное что-то. Кубовик и т. д. Но сходные. Штаны с узкими [неразб.], льняная рубаха, которая заправлялась в штаны, перехватывалась поясом, в отличие от украинцев, где было по-другому. Лапти косоного плетения. Лапти прямоного плетения находим только в определенных районах. Раннее распространение кожаных сапог здесь, раньше, чем во многих областях. Это тоже понятно. Потому что условия такие. Составная рубаха с поляками, которая под сарафан надевалась. Я уже упоминал ее. Пища, например, чрезвычайно сходна. Рыбная, молочная пища, сочетание рыбы и молока, например, могло быть [неразб.]. Очень вкусно, понимаете. Сочетание рыбы и молока где-нибудь в Средней России восприняли бы как вкусовое нарушение. Рыба вяленая не распространена в Средней России. Потому что в Южной России попробуйте вялить рыбу при такой жаре. Так? А вот эта межонка называемая, от которой, говорили, что когда едят межонку в избе, то двери сами открываются, запах такой. Так?

Или, например, варение или жарение даже рыбы и рыбники вместе с чешуей. Потому что считалось, что чешуя дает навар. Но люди, не привыкшие к этому, не воспринимают: как же так, почему нечищенная? — в Средней России вам бы сказали. Хотя, между прочим, это очень интересно тоже. На свадьбе рыбный пирог может называться курником. Почему? Потому что кура играла определенную роль в свадебном обряде. Вообще всякая символика, связанная с курой. Вплоть до кокошника — «кок» и т. д. Делали с курой. А здесь эти курники пеклись с рыбой, но назывались «курники» по-прежнему. Между прочим, у карел зарегистрирован термин «курник», хотя никакая кура там рядом не лежала, что называется. Но все равно так. Я позволю себе такими отдельными выпадами сказать об этом. Обращусь я [неразб.] к фольклорным материалам, которые еще более выразительны.

Посмотрите, близлежащие русские и карельские районы обладали высокоразвитым, высокохудожественным эпосом, который заслужил мировую известность. Карельские руны, из которых «Калевала» родилась, наши былины. Очень развита система причитаний. Не надо думать, что у всех славян они примерно одинаково развиты. У украинцев вовсе нет причитаний. Такие выкрики просто. У белорусов только на Витебщине. И то причитывает невеста. Невесту должны были сажать на дежу. И должны были родители это делать. Если родителей не было, а кто-то другой, то она причитывала. И, кроме того, она причитывала на кладбище, если похоронены родители. Можно это считать свадебными причитаниями? И да, и нет. Это либо неразвитые свадебные причитания, [когда] сажали на дежу. А на кладбище это просто поминальные причитания,

мут веники, и начнут хлестаться, и до того себя добьют, что едва вылезут, чуть живые, и обольются водою студеною, и только так оживут. И творят это постоянно, никем же не мучимые, но сами себя мучат, и то творят не мытье себе, а <...> мученье". Те же, слышав, удивлялись; Андрей же, побыв в Риме, пришел в Синоп» (приводится в переводе О. В. Творогова по изданию: Повесть... 1997).

²¹ Рубаха с поляками, т.е. с плечевыми вставками («поликами»), обычно декорированными вышивкой.

и так ходили причитывать. Одним словом, причитание — это специфическое русское явление. Но развито очень у карел. Причитания очень развиты у коми, у удмуртов почти нет, и очень развиты у мордвы. Кроме того, они развиты у западнотюркских групп — татар и башкир. Свадебные только, не похоронные. Так что какой-то не очень объясненный регион. Финны, когда у нас были на симпозиуме, пытались объяснить очень просто. Известный Лаури Хонка, крупнейший фольклорист, говорил, что, конечно, понятно: православная церковь была очень снисходительна к причитаниям, а католическая давила это. А я ему сказал, что нет, не так, потому что, возьмите, например, Корсику, где уж такое крепкое было католичество, тем не менее [наблюдается] развитие причитаний. Возьмите Северную Италию, остров Лугано — чрезвычайно развитые причитания, и очень сильное резкое католичество. Кроме того, я ему привел факты, когда наша церковь протестовала против причитаний: запреты Петра причитывать, которые не помогли.

Но давайте кончим с эпосом сначала. Руны и былины столетие рядом. Как только русские... не то что приехали, пришли сюда русские... Как шутил Владимир Яковлевич Пропп по поводу одной диссертации: а потом в малой скорости прислали им сюда эпос. Они пришли, уже зная этот эпос. И тем не менее все попытки найти какие-то взаимодействия, проникновения сюжетов русских былин в карельские руны и наоборот не привели ни к каким результатам. Или были результаты такого рода: Вяйнямёйнен и Садко. Но так же и у других народов: античный Орфей, например, такого же типа совершенно певец. То есть либо общечеловеческое что-то, либо ничего, понимаете? Это удивительно. При этом мы знаем, что были исполнители, которые знали и руны, и былины. Например, Туруев из Сегозера прекрасно пел и руны, и былины²². Мы знаем исполнительниц причитаний, которые причитывали и по-русски, и по-карельски: Анастасия Вачиева, например, недалеко от Петрозаводска была²³.

Наш современный петрозаводский фольклорист последнюю статью опубликовал — «Иван Коенен и Иван Гоудинович — баллада русская»²⁴. И чем он кончил это изыскание? Он молодец, что так трезво сделал. Не стал ничего преувеличивать. Он написал, что ничего, кроме случайного созвучия имен, нет. Я мог бы назвать целый ряд замечательных филологов, и финских и русских, не буду сейчас отнимать ваше время, кто пытался сравнительную работу эту провести, но ни к чему это не привело.

С причитаниями так же. У карел чрезвычайно развитые причитания. Удивительная вещь такая — в архаических традициях причитывания существовало определенное табуирование, нельзя было называть имена умершего, родственные отношения, родственные термины. Говорили, например, «надежная головушка», «защита крепкая», «заборона». Про мужа не скажут «муж». «Моя спорядная соседка схватилась она за надежную головушку». Что это значит? Она схватилась за свою голову? Ничего подобного. Она спохватилась, где ее муж, куда он девался, он умер. Это иногда надо уметь читать. Есть очень определенные замены. «Девушка» называется «лебедушкой» и т. д. А иногда очень сложные, обычно двухсоставные. Кого это интересует, возьмите в «Библиотеке поэта» — мы впервые дали даже словарь, сто таких метафорических замен²⁵. Потому что иначе нельзя читать. Надо сказать, что эта система в карельских причитаниях развита еще сильнее. Настолько, что первые финские исследователи, когда брались за исследования причитаний, говорили, что, видимо, это заумные голосования. Просто женщиной так владеет беда, так владеет печаль, что она не знает, что говорит. Но это неверно. Надо просто уметь это читать. У них немножко по-другому. У них не двойные сочетания типа «надежная головушка». Причем инте-

²² О билингве-сказителе Тимофее Ефимовиче Туруеве см.: (Иванова 2012: 42–50; Конкка 1980: 149–151; Астахова 1948: 299; Евсеев 1948: 77–83).

²³ О биографии и творчестве карельской сказительницы Анисьи Васильевны Вачиевой, принятой в 1939 г. в Союз писателей СССР, см.: (Русские плачи 1940: 181–183; Козлова 2014).

²⁴ К. В. Чистов упоминает статью Эйно Семеновича Киуру «Сватовство Коёнена и русская былина “Иван Гоудинович”» (Киуру 1991).

²⁵ «Словарь устойчивых метафорических замен» опубликован в книге «Причитания» 1960 г., вышедшей в издательстве «Советский писатель» в серии «Библиотека поэта» (Причитания 1960: 429–430).

ресно, что «ты была надежная головушка, но от кого-то...», «почему ты ушел от меня, надежная головушка». «Надежная головушка» как будто сочетание женского рода, а ведет себя как сочетание мужского рода: «ты ушел от меня, надежная головушка». У карел сочетания немножко другого типа. «Ты, на коленях меня качавшая, ты, меня грудью кормившая». Там нет слова, чтобы сказать «мать». «Ты, мне колыбельные песни певшая» и т. д. Причем эти словосочетания даются во множественном числе. Так как карельский [язык], у нас смена рода идет мужского и женского, потому что в русском языке есть род, а в финно-угорских языках нет рода, и поэтому идет замена единственного на множественное число. Понимаете? Невозможно представить себе: «Вы, меня на коленях качавшие». Можно представить, что это относится к матери, к бабке. Но «вы, меня грудью кормившие» можно представить себе? «Вы, меня в утробах носившие». Еще такое есть. Все-таки дети всегда в одной утробе какой-то рождаются. Нельзя было сказать «мать».

Причем, в карельском это еще сильнее, потому что известно, что в финно-угорских языках ударение на первый слог. По всей России говорят «Кижí» вместо «Кíжи». Вы знаете, что в заонежском диалекте была тенденция под влиянием финно-угорских [языков] переносить [ударение] на первый слог. «Принеси мне топор», да «тóпор, тóпор», — скажут. Ударение на первый слог. В финском стихосложении, и даже в современном, господствуют не рифмы, так как рифмы держатся на последних слогах, а аллитерации на первых слогах. «Калевала» начинается: «Вяйне ванха²⁶». «Старый [верный] Вяйнямйнен». «Ва... ва... ва», потом, «ки... ки... ки», «ти... ти... ти» и т. д. И эти аллитерации как гвоздями прибивают метафорические замены. И записано, например, одно причитание, где двадцать две замены. Это чудо, конечно, такое. Но понимаете, странно как будто.

Влиянием выделения в русских причитаниях замен в условиях табуирования объяснили карельские причитания. Блестящие работы Унелмы Семеновны Конкка²⁷, Анны Степановны Степановой²⁸. Великолепная книга «Метафорические...»²⁹. Степанова в микроскоп рассматривала, искала русское влияние. Один раз нашла «лебедушку». Ну, между прочим, и по-карельски, и по-фински девушка в песнях везде «курочка», а вовсе не «лебедушка». И «курочки» там везде присутствуют. А «лебедушки» нет. Вообще посмотрите: [живут] рядом, соседние [народы], слышали друг от друга причитания. Русские женщины выходили замуж за карел, карельских женщин брали сюда в жены. И тем не менее это не передалось, отчасти потому что это связано со свойством языка. Но полного языкового барьера не было, хотя, конечно, карелки в деревнях русского языка раньше почти не знали. Или знали базарный такой язык. Вот приехать на ярмарку в Повенец или еще куда-нибудь, они знали некоторые термины. Как, между прочим, в старом Петербурге каждая русская женщина, которая шла на базар, знала, что молоко — это майто, творог — это

²⁶ К. В. Чистов имеет в виду часто повторяющуюся строчку Калевалы «Vaka vanha Väinämöinen».

²⁷ Унелма Семеновна Конкка — известный карельский фольклорист, научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, занимавшаяся в 1960-е годы изучением карельских причитаний. Подготовленная к печати в 1975 г. монография У. С. Конкка «Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи», несмотря на высокую оценку коллег, была признана «идеологически невыдержанной» и не опубликована. В 1985 г. книга вышла на финском языке (Konkka 1985) и только в 1992 г. была издана в России (Конкка 1992). В интервью 1997 г. Кирилл Васильевич называет Унелму Конкка в числе своих лучших учеников в Карелии (Тишков 2008: 99). О жизни и творчестве У. С. Конкка см.: (Степанова 2011). В четвертом выпуске сборника «У истоков карельской фольклористики» приведен также список работ и перечень материалов, собранных У. С. Конкка и хранящихся в фольклорном фонде Научного архива Карельского научного центра РАН и фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН (У истоков... 2011).

²⁸ Александра Степановна Степанова — карельский фольклорист, старший научный сотрудник Института, языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук, заслуженный деятель науки Республики Карелия, тесно сотрудничавшая с У. С. Конкка. С конца 1960-х годов занималась исследованием карельских причитаний. В 1980 г. защитила в Институте мировой литературы им. М. Горького кандидатскую диссертацию на тему «Функционирование системы метафорических замен в карельских причитаниях». К. В. Чистов и Б. Н. Путилов неоднократно выступали консультантами А. С. Степановой. К. В. Чистов был оппонентом на защите диссертации, Б. Н. Путилов — научным редактором монографии «Метафорический мир карельских причитаний», вышедшей в 1985 г. Биография, список работ и опись фольклорных материалов, собранных А. С. Степановой и хранящихся в архивах КарНЦ РАН, изданы во втором выпуске сборника «У истоков карельской фольклористики» (У истоков... 2010).

²⁹ К. В. Чистов, вероятно, имеет в виду книгу А. С. Степановой «Метафорический мир карельских причитаний» (Степанова 1985).

рахка³⁰ и т. д. Это базарное знание языка. Но мужчины много знали, потому что ходили на заработки. Так же уходили из Северной Карелии в Финляндию на заработки, а из Южной Карелии в Петербург и другие места. Все-таки не было совершенного языкового барьера. Тем не менее почему-то есть какие-то стороны культуры, которые оказались непроницаемыми друг для друга. Не просто мелочи. Но такие значительные явления, как эпос и причитания, не воспринимались карелами, и русскими не восприняты были тоже. Так что, конечно, во всех этих вопросах очень сложно разобраться. Много тонких вопросов.

Прежде всего, нельзя думать, что у нас есть в руках отмычка, которая способна открывать любые двери. Вот мы решили, что более развитый народ такой-то, и значит, менее развитый все воспринимал, или наоборот — иммигранты воспринимали все от местных. Это тоже ошибка. Уже археологи на уровне девятого века, десятого века в Ленинградской, Петербургской губернии, на Вологодчине находят славяно-финский симбиоз, вещи, которые трудно различить. Там даже не только славяно-финский, а славяно-финно-балтский симбиоз. В Старой Ладогге, например, славяно-финско-балтско-скандинавский симбиоз.

Так что давайте любить нашу родную культуру, потому что она сложилась из разных [элементов], но не будем [забывать], что культура даже самого великого народа не могла складываться, как будто она на острове где-то в океане. Никто не жил в изоляции, все друг с другом [общались]. Вы посмотрите, на археологическом уровне находятся здесь сасанидские монеты, которые приходили с Востока. Нам кажется, что тогда мы все жили разъято, а между прочим, были торговые связи, были взаимобмены. Сколько, например, скандинавских элементов здесь находят. Хотя это не значит, что все это захватывалось. Каждая культура складывалась очень сложно. Ценна культура каждого народа. Понимаете? Мы ее должны ценить. Мы в ней живём, мы ее любим, мы должны ее хранить. Но из этого нельзя делать жупел. Нельзя считать, что наша культура великолепна, а все остальное — тьфу. И только наша хороша, и в этом наше достоинство. Наше достоинство заключается в том, что мы не жили в изоляции, контактировали с другими народами, воспринимали от них что-то, как и другие народы. И [нужно] создавать свою культуру, которой мы можем не стыдиться. Вот, пожалуйста, весь этот деревянный рай на Севере России. Такие великолепные вещи. Что только не умели делать из берёсты, из дерева. Вот, наверно, то, что я хотел вам сегодня рассказать. Простите, я вас, может быть, задержал, но все-таки это было краткое изложение очень сложной и большой темы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Агапитов В. А. Прибалтийско-финская земледельческая колония в южном Заонежье (опыт топонимической реконструкции) // Кижский вестник. 1994. Вып. 4. Заонежье / отв. ред. А. П. Журавлев. Петрозаводск: Музей-заповедник «Киж», 1994. С. 24–30.

Астахова А. М. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск: Гос. изд. Карело-Фин. ССР, 1948.

Винокурова И. Ю., Логинов К. К. Р. Ф. Никольская и становление этнографической науки в Карелии // Труды Карельского научного центра РАН. 2010. № 4. С. 132–140.

Власова И. В. Экспедиционные были. Путевые воспоминания. М.: ИЭА РАН, 2014.

Гришина И. Е. К вопросу о происхождении дома-двора в крестьянском зодчестве Русского Севера // Средневековая архитектура и монументальное искусство. Раппопортские чтения: тез. докладов. СПб.: Изд-во ГЭ, 1999. С. 127–130.

Гуцина В. А., Гуцин Б. А. К вопросу о церквях прионежского типа (вепско-карельские элементы в архитектуре Кижского ансамбля) // Кижский вестник. Заонежье. 1994. № 4. С. 133–143.

Духовная культура сегозерских карел конца XIX — начала XX в / отв. ред. Е. И. Клементьев. Л.: Наука, 1980.

Иванова Л. И. Биографический материал о карельских сказителях в Научном архиве КарНЦ и Фонограммархиве ИЯЛИ (к вопросу об изучении жанра биографического рассказа) // Полевые исследования и

³⁰ Молоко — по-фински «maito», творог — «raikka». В дореволюционном Петербурге главными поставщиками молочных продуктов на местных рынках были финны-ингерманландцы, проживавшие в окрестностях города.

архивация фольклорных и этнографических материалов: материалы V науч.-практ. семинара. Петрозаводск, 21–22 марта 2012. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2012. С. 30–51.

Евсеев В. Я. Руны «Калевалы» и русско-карельские фольклорные связи // Известия Карело-Финской научно-исследовательской база Академии наук СССР. Петрозаводск, 1948. № 3. С. 69–89.

Киуру Э. С. Сватовство Коёнена и русская былина «Иван Годинович» // Фольклористика Карелии. Петрозаводск: КНЦ АН СССР, 1991. С. 74–96.

Клейн Л. С. Трудно быть Клейном: автобиография в монологах и диалогах. СПб.: Нестор-История, 2010.

Козлова И. В. Плачи советских сказительниц о родных-героях (между фольклором и пропагандой) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 5. С. 122–129.

Комарова Г. А. Женский портрет в научном интерьере (интервью с Еленой Петровной Батьяновой и Юкари Нагаяма) // Антропологический форум. 2007а. № 7. С. 312–326.

Комарова Г. А. «Уважение к респондентам — важнейшая заповедь исследователя...» (интервью с Е. И. Филипповой и М. Ларюэль) // Этнографическое обозрение. 2007б. № 2. С. 120–131.

Комарова Г. А. Антрополог — это очевидец (интервью с Натальей Ивановной Новиковой и Эммой Уилсон) // Антропологический форум. 2011а. № 14 Online. С. 235–268.

Комарова Г. А. О самой лучшей «награде» антропологической работы (интервью с Жанной Владимировной Корминой и Каариной Айтатурто) // Антропологический форум. 2011б. № 15 Online. С. 448–474.

Комарова Г. А. Сила антропологического подхода (интервью с Юриком Варгановичем Арутюняном, Леокадией Михайловной Дробижевой, Михаилом Николаевичем Губогло) // Антропологический форум. 2012. № 17 Online. С. 329–359.

Комарова Г. А. «Профессия антрополога необыкновенно расширяет кругозор» (интервью с Наталией Жуковской и Кэролайн Хамфри) // Антропологический форум. 2013. № 19 Online. С. 329–359.

Конкка У. С. Особенности традиционного устно-поэтического творчества // Духовная культура сегозерских карел конца XIX — начала XX в. / отв. ред. Е. И. Клементьев. Л.: Наука, 1980. С. 138–201.

Конкка У. С. Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1992.

Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX — начало XX в.). СПб.: Наука, 1993а.

Логинов К. К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1993б.

Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел конца XIX — начала XX века / отв. ред. Е. И. Клементьев. Л.: Наука, 1981.

Мельников И. В., Мельникова Н. М. Хроника // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7 (184). С. 116–117.

Опять 25? | Begin the Beguine // Anthrotube. Антропология | Anthropology. 2016–2019. URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLXhURmEWLDkYgAfsiV5bR2S9gzTVtpfeQ> (дата обращения: 05.03.2021).

Орфинский В. П., Гришина И. Е. К вопросу о формировании крестьянских усадеб в Карелии // Традиционная культура: общечеловеческое и этническое. Проблемы комплексного изучения этносов Карелии: материалы симпозиума. Сентябрь 1993 г. Петрозаводск: Онежско-беломорский Региональный Вузовский Центр по фольклору, 1993. С. 23–35.

Орфинский В. П., Гришина И. Е. Генезис дома-двора в крестьянском зодчестве Карелии // Архитектурное наследство. Вып. 44. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 63–80.

Пименов В. В. Моя профессия — этнограф. Очень личные заметки о не слишком давнем прошлом, настоящем и будущем отечественной этнографической науки / сост., отв. ред., автор эпилога Т. С. Гузенкова. СПб.: Аврора, 2015.

Повесть временных лет (подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова) // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997. Т. 1: XI–XII вв. (Ипатьевский список «Повести временных лет» на языке оригинала и с синхронным переводом). URL: <http://lib2.pushkinskiydom.ru/tabid-4869> (дата обращения: 05.03.2021).

Причитания / [вступ. статья, с. 5–52, и примеч. К. В. Чистова; подгот. текста Б. Е. Чистовой и К. В. Чистова]. Л.: Сов. писатель, 1960.

Русские плачи Карелии / подгот. текстов и примеч. М. М. Михайлова; вступ. ст. Г. С. Виноградова и М. М. Михайлова; под. ред. проф. М. К. Азадовского. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1940.

Степанова А. С. Метафорический мир карельских причитаний / отв. ред. Б. Н. Путилов. Л.: Наука, 1985.

- Тишков В. А. «Это была наука, и еще какая!» (со старейшим российским этнографом Л. П. Потаповым беседует В. А. Тишков // Этнографическое обозрение. 1993. №1. С. 106–114.
- Тишков В. А. С Т. А. Жданко беседует В. А. Тишков // Этнографическое обозрение 1994. № 1. С. 118–133.
- Тишков В. А. «Нелишне узнать из первоисточника» (с бывшим заместителем директора Института этнографии С. И. Бруком беседует В. А. Тишков) // Этнографическое обозрение. 1995. № 1. С. 89–101.
- Тишков В. А. Полвека полевой этнографии (с Е. П. Бусыгиным беседует В. А. Тишков) // Этнографическое обозрение. 1996. № 1. С. 117–131.
- Тишков В. А. С К. В. Чистовым беседует В. А. Тишков. Май 1997 г. URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/besedy_s_u/chistov.html (дата обращения: 05.03.2021).
- Тишков В. А. «Этнография — наука подробная» (с К. В. Чистовым беседует В. А. Тишков. Май 1997 г.) // Этнографическое обозрение. 1998. № 1. С. 121–136.
- Тишков В. А. Наука и жизнь. Разговоры с этнографами. СПб.: Алетейя, 2008а.
- Тишков В. А. Размышления об итогах жизни: беседа с Севьяном Израилевичем Вайнштейном // Этнографическое обозрение. 2008б. № 2. С. 70–86.
- Тумаркин Д. Д. «О тамо, кайе!»: воспоминания и размышления ученого-путешественника. М.: Наука, 2018.
- У истоков карельской фольклористики. Вып. 2. К 80-летию А. С. Степановой. Биография, библиография, опись архивных материалов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010.
- У истоков карельской фольклористики. Вып. 4. К 90-летию У. С. Конкка. Биография, библиография, опись архивных материалов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011.
- Чистов К. В. Проблемы этнографического и фольклорного изучения Северо-Запада СССР // Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Традиции и культура сельского населения. Этнография Петербурга. Л.: Наука, 1977. С. 3–10.
- Шенников А. А. Длинный дом и крытый двор. Из истории строительной культуры крестьян лесной зоны Европы до конца XIX — начала XX в. СПб.: ГО, 1992.
- Этнография полевой жизни: воспоминания сотрудников ИЭА РАН / отв. ред. и сост. И. А. Аржанцева, М. Л. Бутовская. М.: ИЭА РАН, 2015.
- Čistov K. V. (Toim.) Venäläinen perinnekulttuuri: Neuvostoliiton Pohjois-Euroopan venäläisväestön etnologiaa 1800-luvulta 1900-luvun alkuun. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1976.
- Konkka U. Ikuinen ikävä: karjalaiset riitti-itkut. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1985.
- Vahros I. Zur Geschichte und Folklore der Grossrussischen Sauna. Helsinki: Suomalainen tiedeakatemia, 1966.

REFERENCES

- Agapitov V. A. Pribaltiisko-finskaia zemledel'cheskaia koloniia v iuzhnom Zaonezh'e (opyt toponimicheskoi rekonstruktsii) [Baltic-Finnish Agricultural Colony in Southern Zaonezhie (An Attempt of Toponymic Reconstruction)]. *Kizhskii vestnik, Zaonezh'e*, 1994, issue 4. Red. A. P. Zhuravlev. Muzei-zapovednik Kizhi. Petrozavodsk, 1994, pp. 24–30. (In Russian)
- Astakhova A. M. *Russkiy bylennyi epos na Severe* [The Russian Epic of Byliny in the North]. Petrozavodsk: gosudarstvennoe izdatel'stvo Karelo-Finskoi SSR, 1948. (In Russian)
- Čistov K. V. (Toim.) *Venäläinen perinnekulttuuri: Neuvostoliiton Pohjois-Euroopan venäläisväestön etnologiaa 1800-luvulta 1900-luvun alkuun* [Russian Traditional Culture: Ethnology of the Russian Population in Northern Europe between the 19th and Early 20th Centuries]. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1976. (In Finnish)
- Chistov K. V. Problemy etnograficheskogo i fol'klornogo izucheniia SeveroZapada SSSR [Problems of Ethnographic and Folklore Study of the North-West of the USSR]. *Etnograficheskie issledovaniia Severo-Zapada SSSR. Traditsii i kul'tura sel'skogo naseleniia. Etnografiia Peterburga* [Ethnographic Studies of the North-West of the USSR. Traditions and Culture of the Rural Population. Ethnography of St. Petersburg]. Leningrad: Nauka, 1977, pp. 3–10. (In Russian)
- Dukhovnaia kul'tura segozerskikh karel kontsa XIX — nachala XX v.* [Spiritual Culture of Segozersk Karelians of the Late 19th–Early 20th Centuries]. Ed. by E. I. Klement'ev. Leningrad: Nauka, 1980. (In Russian)
- Etnografiia polevoi zhizni: vospominaniia sotrudnikov IEA RAN* [Field Life Ethnography: The Memories of IEA RAS Employees]. Eds. by I. A. Arzhantseva, M. L. Butovskaia. Moscow: IEA RAN, 2015. (In Russian)

Evseev V. Ya. Runy “Kalevala” i rusko-karel’skie folklornye sviazi [The Kalevala Runes and Russian-Karelian Folklore Connections]. *Izvestiia Karelo-Finskoï nauchno-issledovatel’skoi bazy Akademii nauk SSSR*. Petrozavodsk, 1948, no. 3, pp. 69–89. (In Russian)

Grishina I. E. K voprosu o proiskhozhdenii doma-dvora v krest’ianskom zodchestve Russkogo Severa [To the Question of the Origin of the Yard House in the Peasant Architecture of the Russian North]. *Srednevekovaia arkhitektura i monumental’noe iskusstvo. Rappoportovskie chteniia: Tezisy dokladov*. [Medieval Architecture and Monumental Art. Rappoport Readings: Abstracts. St. Petersburg: Izdatel’stvo GE, 1999, pp. 127–130. (In Russian)

Gushchina V. A., Gushchin B. A. K voprosu o tserkvakh prionezhskogo tipa (vepssko-karel’skie elementy v arkhitekture Kizhskogo ansambliia) [On the Issue of Churches of the Prionezh Type (Vepsian-Karelian Elements in the Architecture of the Kizhi Ensemble)]. *Kizhskii vestnik. Zaonezh’e*, 1994, no. 4, pp. 133–143. (In Russian)

Ivanova L. I. Biograficheskiĭ material o karel’skikh skaziteliakh v Nauchnom arkhive KarNTs i Fonogrammarkhive IIALI (k voprosu ob izuchenii zhanra biograficheskogo rasskaza) [Biographical Materials about the Karelian Storytellers in the Academic Archive of the KarRC and the Phonogram Archive of IIALI (On the Studies of the Genre of Biographical Story)]. *Polevye issledovaniia i arkhivatsiia fol’klornykh i etnograficheskikh materialov. Materialy V nauchno-prakticheskogo seminara*. Petrozavodsk, 21–22 marta 2012 [Field Research and Archiving of Folklore and Ethnographic Materials. Materials in the Scientific and Practical Seminar, Petrozavodsk, 21–22 March of 2012]. Petrozavodsk: Karel’skii nauchnyi tsentr RAN, 2012, pp. 30–51. (In Russian)

Kiuru E. S. Svatovstvo Koenena i russkaia bylina “Ivan Godinovich” [Coenen’s Matchmaking and the Russian Epic “Ivan Godinovich”]. *Fol’kloristika Karelii*. Petrozavodsk: KNTs AN SSSR, 1991, pp. 74–96. (In Russian)

Klein L. S. *Trudno byt’ Kleinom: Avtobiografiia v monologakh i dialogakh* [It’s Hard to Be Klein: An Autobiography in Monologues and Dialogues]. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2010. (In Russian)

Komarova G. A. Zhenskii portret v nauchnom inter’ere (interv’iu s Elenoi Petrovnoi Bat’ianovoi i Yukari Nagaiama) [Portrait of a Woman in an Academic Interior (Interview with Elena Bat’ianova and Yukari Nagaima)]. *Antropologicheskii forum*, 2007, no. 7, pp. 312–326. (In Russian)

Komarova G. A. “Uvazhenie k respondentam — vazhneishaia zapoved’ issledovatel’ia...” (Interv’iu s E. I. Filippovoi i M. Laruelle) [“Respect for Respondents Is the Most Important Commandment of a Researcher...” (Interview with E. Filippova and M. Laruelle)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2007, no. 2, pp. 120–131. (In Russian)

Komarova G. A. Antropolog — eto ochevidets (inter’iu s Natal’ei Ivanovnoi Novikovoi i Emma Wilson) [An Anthropologist Is an Eyewitness (Interview with Natalia Novikova and Emma Wilson)]. *Antropologicheskii forum*, 2011, no. 14 Online, pp. 235–268. (In Russian)

Komarova G. A. O samoi luchshei “nagrade” antropologicheskoi raboty (interv’iu s Zhannoi Vladimirovnoi Korminoi i Kaarinoi Aitamurto) [On the Best “Reward” of Anthropological Work (Interview with Zhanna Kormina and Kaarina Aitamurto)]. *Antropologicheskii forum*, 2011, no. 15 Online, pp. 448–474. (In Russian)

Komarova G. A. Professiia antropologa neobyknovenno rasshiriaet krugozor (interv’iu s Nataliei Zhukovskoi i Kerolain Khamfri) [The Profession of an Anthropologist Expands Your Horizons Dramatically (Interview with Natalia Zhukovskaia and Caroline Humphrey)]. *Antropologicheskii forum*, 2013, no. 19 Online, pp. 329–359. (In Russian)

Komarova G. A. Sila antropologicheskogo podkhoda (interv’iu s Yurikom Vartanovichem Arutiunianom, Leokadiiei Mikhailovnoi Drobizhevoi, Mikhailom Nikolaevichem Guboglo) [The Power of the Anthropological Approach (Interview with Yurik Arutiunian, Leokadiia Drobizheva and Mikhail Guboglo)]. *Antropologicheskii forum*, 2012, no. 17 Online, pp. 329–359. (In Russian)

Konkka U. S. Osobennosti traditsionnogo ustno-poeticheskogo tvorchestva [Features of Traditional Oral and Poetic Creativity]. *Dukhovnaia kul’tura segozerskikh karel kontsa XIX — nachala XX v.* [Spiritual Culture of Segozersk Karelians of the late XX — early XX Century]. Ed. by E. I. Klement’ev. Leningrad: Nauka, 1980, pp. 138–201. (In Russian)

Konkka U. *Ikuinen ikävä: karjalaiset riitti-itkut* [Eternal Misery: Karelian Ritual Lamentations]. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1985. (In Finnish)

Konkka U. S. *Poeziia pechali. Karel’skie obriadovye plachi* [Poetry of Sadness. Karelian Ritual Lamentations]. Petrozavodsk: Karel’skii nauchnyi tsentr RAN, 1992. (In Russian)

Kozlova I. V. Plachi sovetskikh skazitel’ nits o rodnykh-geroiakh (mezhdū fol’klorom i propagandoi) [Lamentations of Soviet Storytellers about Family Heroes (Between Folklore and Propaganda)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2014, no. 5, pp. 122–129. (In Russian)

Loginov K. K. *Material’naia kul’tura i proizvodstvenno-bytovaia magiia russkikh Zaonezh’ia (konets XIX — nachalo XX v.)* [Material Culture and Industrial and Household Magic of the Russians of Zaonezhie (Late 19th–Early 20th Centuries)]. St. Petersburg: Nauka, 1993. (In Russian)

Loginov K. K. *Semeinye obriady i verovaniia russkikh Zaonezh'ia*. [Family Rituals and Beliefs of Russians in Zaonezhie]. Petrozavodsk: KNTs RAN, 1993. (In Russian)

Material'naia kul'tura i dekorativno-prikladnoe iskusstvo segozerskikh karel kontsa XIX — nachala XX veka [Material Culture and Arts and Crafts of Segozersk Karelians of the Late 19th–Early 20th Centuries]. Ed. by E. I. Klement'ev. Leningrad: Nauka, 1981. (In Russian)

Mel'nikov I. V., Mel'nikova N. M. Khronika [Chronicle]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, no. 7 (184), pp. 116–117. (In Russian)

Orfinskii V. P., Grishina I. E. Genezis doma-dvora v krest'ianskom zodchestve Karelii [The Genesis of the Yard House in the Peasant Architecture of Karelia]. *Arkhitekturnoe nasledstvo*. Issue 44. Moscow: Editorial URSS, 2001, pp. 63–80. (In Russian)

Orfinskii V. P., Grishina I. E. K voprosu o formirovanii krest'ianskikh usadeb v Karelii [On the Question of the Formation of Peasant Estates in Karelia]. *Traditsionnaia kul'tura: obshchechelovecheskoe i etnicheskoe. Problemy kompleksnogo izucheniia etnosov Karelii: Materialy simpoziuma. Sentiabr' 1993 goda* [Traditional Culture: The Universal and the Ethnic. Problems of Comprehensive Studies of Ethnic Groups in Karelia: Proceedings of the Symposium. September 1993]. Petrozavodsk: Onezhsko-belomorskii regional'nyi vuzovskii tsentr po fol'kloru, 1993, pp. 23–35. (In Russian)

Pimenov V. V. *Moia professiia — etnograf. Ochen' lichnye zametki o ne slishkom davnem proshlom, nastoiashchem i budushchem otechestvennoi etnograficheskoi nauki*. [My Profession Is an Ethnographer. Very Personal Notes about the Not Too Remote Past, Present and Future of Russian Ethnographic Science]. St. Petersburg: Avrora, 2015. (In Russian)

Prichitaniia [Lamentations]. Vstupitel'naia stat'ia i primechaniia K. V. Chistova. Leningrad: Sov. pisatel', 1960. (In Russian)

Russkie plachi Karelii [Russian Lamentations of Karelia]. Ed. by prof. M. K. Azadovskogo. Petrozavodsk: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Karelo-Finskoi SSR, 1940. (In Russian)

Shennikov A. A. *Dlinnyi dom i krytyi dvor. Iz istorii stroitel'noi kul'tury krest'ian lesnoi zony Evropy do kontsa XIX — nachala XX vv.* [Long House and Covered Courtyard. From the History of the Building Culture of Peasants in the Forest Zone of Europe up to the Late 19th–Early 20th Centuries]. St. Petersburg, 1992. (In Russian)

Stepanova A. S. *Metaforicheskii mir karel'skikh prichitanii* [The Metaphorical World of Karelian Lamentations]. Leningrad: Nauka, 1985. (In Russian)

Tishkov V. A. *Nauka i zhizn'. Razgovory s etnografami*. [Science and Life. Conversations with Ethnographers]. St. Petersburg: Aleteia, 2008. (In Russian)

Tishkov V. A. “Nelishne uznat' iz pervoistochnika” (S byvshim zamestitelem direktora Instituta etnografii S. I. Brukom beseduet V. A. Tishkov) [“It Is Not out of Place to Learn from the Primary Source” (V. Tishkov Talking with the Former Deputy Director of the Institute of Ethnography, S. Brook)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1995, no. 1, pp. 89–101. (In Russian)

Tishkov V. A. “Etnografiia — nauka podrobnaia” (S K. V. Chistovym beseduet V. A. Tishkov. Mai 1997 g.). [“Ethnography is a Detailed Science” (V. Tishkov Talking with K. Chistov. May 1997)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1998, no. 1, pp. 121–136. (In Russian)

Tishkov V. A. “Eto byla nauka, i eshche kakaia!” (So stareishim rossiiskim etnografom L. P. Potapovym beseduet V. A. Tishkov [“It Was Science, and What a Science!” (V. Tishkov Talks with the Oldest Russian Ethnographer L. Potapov)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1993, no. 1, pp. 106–114. (In Russian)

Tishkov V. A. Polveka polevoi etnografii (s E. P. Busyginym beseduet V. A. Tishkov) [Half a Century of Field Ethnography (V. Tishkov Talks with E. Busygina)]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1996. № 1. S. 117–131. (In Russian)

Tishkov V. A. Razmyshleniia ob itogakh zhizni: beseda s Sev'ianom Izrailevichem Vainshteinom [Reflections on the Results of Life: a Conversation with Sevian Weinstein]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2008, no. 2, pp. 70–86. (In Russian)

Tishkov V. A. S T. A. Zhdanko beseduet V. A. Tishkov [V. Tishkov Talks with T. Zhdanko]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1994, no. 1, pp. 118–133. (In Russian)

Tumarkin D. D. “O tamo, kaie”!: vospominaniia i razmyshleniia uchenogo-puteshestvennika [“O tamo, kaie”!: Memories and Reflections of a Traveling Scholar]. Moscow: Nauka, 2018. (In Russian)

U istokov karel'skoi fol'kloristiki. Issue 2. K 80-letiiu A. S. Stepanovoi. Biografiia, bibliografiia, opis 'arkhivnykh materialov [At the Origins of Karelian Folklore. Issue 2. To the 80th Anniversary of A. Stepanova. Biography, Bibliography, Inventory of Archival Materials]. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN, 2010. (In Russian)

«Краткое изложение очень сложной и большой темы»: лекция Кирилла Васильевича Чистова...

U istokov karel'skoi fol'kloristiki. Issue 4. K 90-letiiu U. S. Konkka. Biografiia, bibliografiia, opis' arkhivnykh materialov [At the Origins of Karelian Folklore. Issue 4. To the 90th Anniversary of U. Konkka. Biography, Bibliography, Inventory of Archival Materials]. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN, 2011. (In Russian)

Vahros I. *Zur Geschichte und Folklore der Grossrussischen Sauna*. [To the History and Folklore of the Great Russian Bath]. Helsinki: Suomalainen tiedeakatemia, 1966. (In German)

Vinokurova I. Yu., Loginov K. K. R. F. Nikol'skaia i stanovlenie etnograficheskoi nauki v Karelii [R.F. Nikol'skaia and the Formation of Ethnographic Science in Karelia]. *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN*, 2010, no. 4, pp. 132–140. (In Russian)

Vlasova I. V. *Ekspeditsionnye byli. Putevye vospominaniia* [Field Stories. Travel Memories]. Moscow: IEA RAN, 2014. (In Russian)

Submitted: 07.12.2020

Accepted: 20.01.2021

Published: 01.04.2021